

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.С. Грецкая

КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящее исследование продолжает серию работ автора, посвященных изучению ментальных моделей опыта, конструируемых и актуализируемых в дискурсе и «воплощаемых» в тексте. В качестве одной из таких дискурсивно и интерпретативно конструируемых и корректируемых ментальных моделей человеческого опыта, ословливаемых в тексте как «следе» дискурса, рассматривается идентичность. Придерживаясь «мягкой концепции идентичности» в терминологии Р. Брубейкера и Ф. Купера, автор подчеркивает ее зависимость от многих исторических и социокультурных факторов, фрагментарность, множественность и изменчивость. В фокусе оказывается вопрос о продуктивности исследования процесса конструирования поликультурной/межкультурной идентичности, понимаемой в русле «мягкой концепции идентичности», через призму художественного текста, на примере романа “Quichotte” (2019 г.) постколониального писателя С. Рушди. Внимание акцентируется на обосновании правомерности именно конструктивистского подхода к пониманию идентичности и ее исследования посредством изучения художественного текста как конечного результата дискурсивной деятельности. Рассматриваются основные средства конструирования идентичности в романе, многоуровневая рефлексия автора – преломление его соображений относительно поликультурной идентичности через опыт и размышления персонажей – и делается вывод о том, что «мягкий подход» к пониманию идентичности не препятствует выявлению способов кристаллизации самопонимания личности.

Ключевые слова: поликультурная идентичность; межкультурный человек; конструктивистский подход к идентичности; конструирование идентичности в дискурсе и тексте.

Грецкая Софья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gnole_fungle@mail.ru).

В современную эпоху, отмеченную повсеместным многоаспектным взаимодействием глобального и локального, идентичность как оформляющееся в дискурсе хитросплетение «коллективного, преломляемого через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное» [Леонтович, 2017: 252], продолжает привлекать внимание западных и отечественных ученых, представляющих самые разные отрасли знания о человеке.

В рамках настоящего исследования, выполненного в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, под идентичностью понимается дискурсивно и интерпретативно конструируемая и корректируемая ментальная модель человеческого опыта. Опираясь на терминологию Р. Брубейкера и Ф. Купера, мы придерживаемся так называемой «мягкой концепции идентичности» [Brubaker, Cooper, 2000], считая необходимым подчеркивать ее множественность, динамичность и зависимость от целого комплекса психофизиологических, социальных, национально-культурных, языковых и прочих факторов. Представляется, что именно такая позиция (в отличие от «жесткой концепции идентичности», которая «оставляет за скобками вопрос о ее изменчивости» [Енина, 2016: 160]) не противоречит выводам ведущих исследователей данного феномена (Э. Эриксона, Дж. Марсиа, Дж. Финни и др.), ведь «идентичность <...> предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других» [Леонтович, 2017: 252], а человеческие взаимоотношения отнюдь не всегда стабильны.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать продуктивность исследования процесса конструирования поликультурной/межкультурной идентичности, понимаемой в русле «мягкой концепции идентичности», через призму художественного текста, на примере романа “Quichotte” (2019) С. Рушди¹.

Акцентируя способность идентичности к трансформации в процессе коммуникации, не согласимся с Р. Брубейкером и Ф. Купером, которые отмечают: «если идентичность есть везде, значит, ее нет нигде»; такая трактовка не дает возможности изучать способы кристаллизации самопонимания индивида [Brubaker, Cooper, 2000]. На основании положений о том, что любое переосмысление своего места в мире и отношений с другими людьми невозможно без языка, ведь «“готовой” мысли до ее ословливания вообще не существует» [Кубрякова, 2004: 14], и о том, что человек конструирует мир в своем сознании [Болдырев, 2016], можно утверждать, что язык делает возможным «когнитивно-дискурсивное миромоделирование» [Кушнерук, 2018]: в результате обработки при помощи языка по-

¹ *Rushdie S. Quichotte. N.Y.: Random House, 2019.*

ступающих к органам чувств данных о мире происходит образование ментальных репрезентаций разной степени концептуальной сложности. Следовательно, логично и правомочно исследовать ментальные микро- и макромодели человеческого опыта вообще и осознание индивидами их идентичности в частности благодаря изучению дискурса и текста как конечного результата дискурсивной деятельности, выливающегося в определенную законченную (и зафиксированную) форму [Кубрякова, Александрова, 1997].

Представляется также, что многообразие ословленных в дискурсе/тексте ментальных образований, связанных с осмыслением идентичности, в силу изоморфности языка и человеческой психики² является свидетельством не небытия, а многоаспектности последней.

Поликультурная/межкультурная идентичность, как и личностная идентичность вообще, – априори многослойное образование. Необходимо заметить, что разработка концепции поликультурной/межкультурной личности ведется так же долго, как и оформление феномена мультикультурализма. Согласно Е.Ю. Чемякину, теория мультикультурализма на Западе и постколониальные исследования, инициированные выходцами из восточных культур в 1970-е годы, – это два подхода к осмыслению процессов, происходящих в современных поликультурных обществах [Чемякин, 2011]. Появляющиеся ориентировочно с 1960-х годов понятия типа «интернациональный человек» [Lutzker, 1960], «универсальный человек» [Tagore, 1961], «поликультурный человек» [Adler, 1982], «межкультурная личность» [Kim, 1999] и проч., – объединяет не только идея признания существующего культурного многообразия, но и стремление личности совместить в себе черты различных культурных групп, что в теории должно способствовать солидаризации поликультурных обществ на почве развития эмпатии, личностной свободы, креативности и, в итоге, человечности [Там же]. Что же касается формирования такой идентичности на практике, то представители постколониальных исследований, являющие собой яркие примеры личностей «на стыке культур», дают разные ответы на вопрос о реализуемости поставленной задачи.

Роман “Quichotte” С. Рушди был выбран в качестве материала исследования, во-первых, благодаря тематике произведения – актуальным в современных условиях вопросам межличностного и межкультурного взаимодействия и поиска счастья в поликультурных государствах; во-вторых, в связи со статусом автора как одного из виднейших деятелей в литературном мире вообще и в постколони-

² См.: Молчанова Г.Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.

альной литературе в частности, а также его биографией, объединившей в себе несколько стран (Индию, Пакистан, Великобританию и США) и культурных традиций.

Представляется важным подчеркнуть, что данное произведение, во-первых, написано в русле течения «магический реализм», что дает возможность автору рефлексировать максимально свободно, с привлечением широчайшего круга ментальных репрезентаций; во-вторых, представляет собой роман в романе, причем самого Рушди и его персонажей объединяют этнические корни и тот факт, что все они вынуждены были сменить страну проживания на поликультурную англоязычную державу: это Великобритания и США для С. Рушди, США для Брата/Автора, героя романа Брата, его сестры и «Прекрасной Дамы» Сальмы, а также Великобритания для Сестры). Таким образом, автор многократно преломляет свои личные соображения и ощущения относительно места мигранта в неродном для него обществе через жизненный опыт и размышления своих персонажей, с одной стороны, максимально детально фиксируя свои суждения в тексте, с другой – стараясь дистанцироваться от своего опыта и посмотреть на ситуацию по возможности отрешенно.

В одном из своих интервью еще в 1983 г. С. Рушди отметил, что кризис и поиск идентичности для мигрантов могут быть связаны не с оторванностью от этнических корней, а с избытком связей с различными культурами (“It’s not the traditional identity crisis of not knowing where you come from. The problem is that you come from too many places. The problems are of excess rather than of absence.”³) Выясним, тот ли самый случай представлен в романе 2019 г. «Кихот».

Прежде всего обращает на себя внимание обилие ономастических концептов («символизируемых именами собственными ментальных структур, представляющих собой модели ориентации говорящего в мире на некотором участке его языковой картины» [Робустова, 2014: 45]). Это и «обитаемые лингвокультурные острова» [Робустова, 2015] и «необитаемые» – для «путешественников», мало знакомых с историей и культурами полуострова Индостан: Рама в поисках украденной Ситы (*Rama searching for his kidnapped Sita*) – отсылка к сюжету Рамаяны; Ганапати (*Ganesh/Ganpati bappa*) – один из наиболее почитаемых и узнаваемых богов индуистского пантеона; один из крупнейших городов Индской цивилизации Мохенджо-Даро (*Mohenjo-daro*); Лата Мангешкар и Аша Бхосле (*Lata and Asha*), одни из самых уважаемых закадровых певиц в Индии с более чем шестидесятилетним стажем, сестры, издавна окруженные слухами о

³ Цит. по: *Frank S. Salman Rushdie: A Deleuzian Reading*. Copenhagen, 2011. P. 139.

жесткой конкуренции; «Трудовая пчелка» (“*Busybee*”) – сатирик, обозреватель, «хронист» бомбейско-мумбайской жизни Бехрам Контрактор, одна из ключевых фигур индийской журналистики; не говоря уже о концептах-топонимах типа *Marine Drive/Queen’s Neck-lace, Warden Road* и т.п.

Не менее многочисленными (в силу того, что ключевой культурой, принимающей героев романа, являются США) оказываются американские концепты-онимы, такие как: *Elvis, Technicolor, Route 66, Charleston Bay, Freddie Mercury, Muhammad Ali, the Incredible Hulk, Emmylou Harris, Bill Murray, Bon Jovi, Ahab, Miss Daisy, Yosemite Sam, Whoopi, Kerry Washington, Heath Ledger, Lake Capote, Michael Corleone, the Emerald City, Katz’s Delicatessen* и проч. Наряду с ними активно используются и ономастические концепты, значимые для иных (в первую очередь европейских) культур: *Don Quixote, Arlecchino, Pantalone, Odyssey without an Ithaka, Pyramus and Thisbe, Arachne, Panacea, Elysian Fields, Nastassja Kinski, Rumpelstintskin, Boadicea, Prince Charles, Stephen Hawking, Narnia, Middle Earth, Madame Bovary, Mona Lisa, Innokenti Smoktunovsky, Russian film Gagnet, Kagemusha, Fujiyama* и т.д.

Примечательно не только колоссальное количество привлекаемых автором онимов, но и то, что подавляющее их большинство связано со сферами медиа и литературного творчества, причем актуализация культурно значимых смыслов, стоящих за именами этих ономастических концептов, запускается в те моменты, когда персонажи-иммигранты размышляют о смысле своего существования, отношениях с близкими, связи с этническими корнями и месте в принимающем их обществе. Возникает ощущение, что герои находят в виртуальных мирах ту ясность и, как следствие, психоэмоциональный комфорт, которых им не хватает в мире реальном.

Так, автор посредственных англоязычных шпионских романов, взявший псевдоним Сэм Дюшам (*Sam DuChamp*), утешает себя тем, что он не единственный индиец в США, когда-либо скрывавший свои корни, и надеется достичь успеха, сравнивая себя со знаменитым индийцем-парсом *Фаррухом Булсарой (Фредди Меркьюри)*, а также с не менее известными представителями литературной братии *Мэри Энн Эванс (Джордж Элиот), Дж.К. Роулинг (Джоан Роулинг)* и проч. Все более гнетущее с годами желание нормализовать отношения с сыном и сестрой, а также разрешить усугубляющийся кризис идентичности приводит его к созданию произведения о своем alter ego: их объединяют подобные проблемы и далекий виртуальный мир Бомбея из детства писателя, с его более и менее известными улицами и кварталами, реальными и придуманными обитателями (наряду с карикатуристами и иллюстраторами *Марио*

Мирандой и Р.К. Лаксманом, поэтом Ниссимом Эзекилем и парой почитаемых по сей день голливудских актеров Амитабхом Баччаном и Джаеи в этом мире фигурируют, например, художники Аврора Зогойби и Васко Миранда из романа С. Рушди «Прощальный вздох мавра»).

Alter ego Брата/Автора/Сэма получает несколько имен: данное при рождении Исмаил Исмаил (*Ismail Ismail*), англоязычное Смайл Смайл (*Smile Smile*), активно используемое коммивояжером во время работы, а также Кишот (*Quichotte*) – «Кихот» (*Quixote*) на французский манер. Заметим, что Сэм как бы не отдает себе отчет в том, зачем ему нужен последний оним: “*Quichotte (sounds like) key shot. A key shot was a tiny bump of cocaine or heroin scooped up on a key. He didn’t know how this fitted into Quichotte’s story. Maybe there was no place for it. It would remain just a note to be deleted later.*”⁴ Однако подспудно писатель чувствует, что вся его жизнь, показная удовлетворенность своим статусом в чужой стране и в обществе, где он является представителем одного из этнических меньшинств, как и попытки навести в своем сознании порядок, напоминают галлюцинации, вызванные состоянием наркотического опьянения.

Сэм хорошо знаком с историей иммиграции индийцев в США: вспоминает об их дискриминации в соответствии с Законом о натурализации 1790 г., когда гражданства могли быть удостоены только «свободные белые люди»; о запрете на въезд в Америку на основании Иммиграционного акта 1917 г. представителей южноазиатских культур, которых вне зависимости от происхождения именовали “hindoos”; о последствиях событий 11 сентября 2001 г., когда в США совершались многочисленные нападения на сикхов из-за того, что тюрбаны делали их похожими на исламистов⁵. Многолетнее самоубеждение в том, что он стал человеком Запада, привело только к тому, что Сэм с упоением погрузился в описание на примере представителей разведок различных англоязычных государств отсутствия на Западе человеческих отношений и доверия к кому бы то ни было: “Nobody trusted the British, even though they were the best at running moles—in Russia, in Iran, in the Arab world—because of the frequent penetrations of SIS itself by moles from elsewhere. Nobody trusted the Canadians because they acted so goddamn holier-than-thou, nobody trusted the Australians because they were Australian, and nobody trusted the New Zealanders because they had never come up with a single useful surveillance program.”⁶

⁴ *Rushdie S. Quichotte. P. 278–279.*

⁵ *Ibid. P. 26–27.*

⁶ *Ibid. P. 27.*

Устами и действиями своих (небезгрешных, стремящихся извлечь максимум пользы из «Американской мечты») героев он откровенно критикует принимающую культуру: недоброжелательную к иноземцам, ориентированную на материальное благополучие и удовлетворение сиюминутных прихотей, препятствующую духовному развитию граждан и стимулирующую отстранение от корней. Телеведущая Сальма, успевшая создать себе имидж успешной актрисы в Болливуде, уезжает в США в погоне за деньгами и желанием забыть о преследующих ее призраках семейного прошлого. В результате она тешит самолюбие обожанием со стороны европеоидных американцев и мигрантов из неевропейских государств, лицемерно озвучивает чаяния вновь прибывших в рубрике “Immigreat” на своем шоу и презирует американцев за одномерность и безграмотность: “The letters showed her that the material success of America had impoverished the spiritual lives of Americans, but she also saw that <...> the absence of material well-being was spiritually impoverishing also. <...> The messages arriving via her Twitter feed <...> were on or over the edge of illiteracy. America no longer taught its lovers how to spell. Nor did it teach joined-up writing.”⁷

К эксплицитным и имплицитным способам выражения своего негативного отношения к американскому государству и культуре Сэм пришел за время пестования своей псевдополицультурной идентичности: “This is what he said when he was questioned: that he was not rootless, not uprooted but transplanted. Or, even better, multiply rooted, like an old banyan tree putting down ‘prop roots’ as it spread, which thickened and in time became indistinguishable from the original trunk. Too many roots! <...> This is a gift, he said, but he knew that such optimism was a lie.”⁸ Придя к выводу о том, что истинная человечность, а значит, и по-настоящему межкультурная/полицультурная личность с наивысшей степенью межкультурной чуткости, в многонациональных государствах невозможна (“The death of Don Quixote felt like the extinction in all of us of a special kind of beautiful foolishness, an innocent grandeur, a thing for which the world had no place, but which one might call humanity.”⁹), он создает персонажа, который уже не пытается влиться в новую группу при сохранении или отказе от своих этнических корней. Упивающийся своим образом романтического рыцаря, Кишот полностью погружается в виртуальный мир литературных произведений и телевидения, где царит иллюзия воплощения невозможного в реальность, и в итоге преодолевает про-

⁷ Ibid. P. 49–50.

⁸ Ibid. P. 28.

⁹ Ibid. P. 281.

странство и время, попадая в мир Сэма, своего создателя. Дальнейшая же судьба и самоопределение Кишота остаются за рамками романа.

Таким образом, С. Рушди, с одной стороны, проблематизирует поликультурную идентичность при помощи образа баньяна с множеством засыхающих воздушных и прочно сидящих в земле корней, а с другой – демонстрирует несостоятельность героев как межкультурных личностей в части не сочетания черт Востока и Запада, а развития межкультурной чуткости и воспитания гуманизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
2. *Енина Л.В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
3. *Кубрякова Е.С., Александрова О.В.* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы научной конференции. М., 1997. С. 15–23.
4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
5. *Кушнерук С.Л.* Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 115–125.
6. *Леонтович О.А.* «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2017. Т. 21. № 2. С. 247–259.
7. *Молчанова Г.Г.* Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.
8. *Робустова В.В.* К когнитивной ономастике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.
9. *Робустова В.В.* Ономастическая лексика как способ вербализации концептов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 20–30.
10. *Чемякин Е.Ю.* Образ мультикультурного человека в постколониальном дискурсе (на примере произведений Салмана Рушди) // Исторический ежегодник: Сб. науч. тр. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 25–34.
11. *Adler P.* Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // L. Samovar & R. Porter (Eds.) Intercultural Communication: A Reader, 3rd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1982. P. 389–408.
12. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond “Identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
13. *Kim Y.* Intercultural Personhood: an Integration of Eastern and Western Perspectives // L. Samovar & R. Porter (Eds.) Intercultural Communication: A Reader, 9th ed. Belmont, CA: Wadsworth, 1999. P. 431–443.
14. *Lutzker D.* Internationalism as a Predictor of Cooperative Behavior // Journal of Conflict Resolution. 1960. № 4. P. 426–430.
15. *Tagore R.* Towards Universal Man. N.Y., 1961.

**A COGNITIVE-FUNCTIONAL PERSPECTIVE
ON MULTICULTURAL IDENTITY CONSTRUCTION
IN FICTION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper belongs to a series of articles with a focus on mental models, as construed and actualized in discourse and embodied in texts. Identity is treated as a type of the above-mentioned mental models. Supporting the constructivist stance on identity (in R. Brubaker and F. Cooper's terms), the author postulates that identity is fragmented, multiple and fluid, being molded and interpreted in discourse, and a function of various historical and sociocultural factors. Using "Quichotte", a 2019 novel by S. Rushdie, who represents postcolonial literature, the author argues that constructivist stance on identity is a rightful and fruitful approach to exploring identity construction through the prism of fictional texts, the latter seen as results of discursive activity. The purpose of the study is to analyze the writer's essentially multilevel reflection on multicultural identity in the novel within the novel, taking into account the perspectives of different characters, and describe the means of multicultural identity construction. The conclusion is made that the constructivist approach to understanding identity does not hinder a researcher's examination of the ways human self-understandings crystallize in texts.

Key words: multicultural identity; intercultural man; constructivist stance on identity; constructing identity in discourse and text.

About the author: *Sof'ya S. Gretskaya* – Postgraduate Student in Philology, Associate Professor at Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gnole_fungle@mail.ru).

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. 2016. Kognitivnye skhemy yazykovoi interpretatsii [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no 4, pp. 10–20. (In Russ.)
2. Enina L.V. 2016. Identichnost' kak diskursivnyi kontsept i mekhanizmy diskursivnoi identifikatsii [Identity as a discursive concept and discursive identification mechanisms]. *Politicheskaya lingvistika*, no 6, pp. 159–167. (In Russ.)
3. Kubryakova E.S., Aleksandrova O.V. 1997. Vidy prostranstv teksta i diskursa [Varieties of text and discourse space]. *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: Materialy nauchnoi konferentsii*. Moscow, Dialog-MGU, pp. 15–23. (In Russ.)
4. Kubryakova E.S. 2004. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: Towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
5. Kushneruk S.L. 2018. Razvitie teorii kognitivno-diskursivnogo miromodelirovaniya za rubezhom i v Rossii [The development of cognitive-discourse world-modelling

- theory in European and Russian linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 115–125. (In Russ.)
6. Leontovich O.A. 2017. “Zerkalo, v kotorom kazhdyi pokazyvaet svoi lik”: diskursivnoe konstruirovaniye identichnosti [“A mirror in which everyone displays their image”: identity construction in discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya: LINGVISTIKA*, vol. 21, no 2, pp. 247–259. (In Russ.)
 7. Molchanova G.G. 2017. Kognitivnyi reframing kak effektivnoe sredstvo predvybornoi argumentatsii (sopostavitel’nyi aspekt) [Cognitive reframing as an effective instrument of the political pre-election 2016 race (the comparative aspect)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 7–15. (In Russ.)
 8. Robustova V.V. 2014. K kognitivnoi onomastike [On the topic of cognitive onomastics]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 41–49. (In Russ.)
 9. Robustova V.V. 2015. Onomasticheskaya leksika kak sposob verbalizatsii kontseptov [Onomastic lexis as a way of verbalization of concepts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–30. (In Russ.)
 10. Chemyakin E.Yu. 2011. Obraz mul’tikul’turnogo cheloveka v postkolonial’nom diskurse (na primere proizvedenii Salmana Rushdi) [An image of a multicultural person in postcolonial discourse (a study of Salman Rushdie’s novels)]. *Istoricheskii ezhegodnik. Sb. nauch. tr. Institut istorii SORAN*. Novosibirsk, pp. 25–34. (In Russ.)
 11. Adler P. 1982. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man. L. Samovar & R. Porter (Eds.) *Intercultural Communication: A Reader*, 3rd ed. Belmont, CA, Wadsworth, pp. 389–408.
 12. Brubaker R., Cooper F. 2000. Beyond “Identity” *Theory and Society*, vol. 29, no. 1, pp. 1–47.
 13. Kim Y. 1999. Intercultural Personhood: an Integration of Eastern and Western Perspectives. L. Samovar & R. Porter (Eds.) *Intercultural Communication: A Reader*, 9th ed. Belmont, CA, Wadsworth, pp. 431–443.
 14. Lutzker D. 1960. Internationalism as a Predictor of Cooperative Behavior. *Journal of Conflict Resolution*, no 4, pp. 426–430.
 15. Tagore R. 1961. *Towards Universal Man*. New York, Asia Publishing House.